

ГЕРОЙ И ЕГО ИДЕАЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ЗАМЕТКИ

15 мая 1962 г.

В ЭПИЛОГЕ романа Сергея Воронина «Две жизни» двое вспоминают трудную работу геологической партии в сибирской тайге. Несколько лет назад изыскатели разведывали маршрут для будущей железной дороги. Легких маршрутов не было. Путь можно было прокладывать или по болотистому берегу таежной реки, или по каменным скалам. В спорах по «техническому» поводу раскрывались чувства умной и смелой ответственности одних, робкая осторожность других, карьеризм и себялюбивая расчетливость третьих... Прошли годы, и техник-путеец Герасимов, оглядываясь назад, по-прежнему над теми, кто волновался, рвался вперед, горячился в спорах о лучшем варианте.

— Да и какая разница: правобережный или скальный? Правобережный дорожке, скальный — дешево. Какая разница!

— Но это же цинизм! — перебивает его честный и прямой юноша, Алеша Кореньков.

— Почему цинизм? Есть более точное определение: практицизм. После разоблачения культа мы многое поняли и теперь уже не те доверчивые ребята, какими были тогда...

А когда Алеша возмущается этим холодным безразличием, Герасимов насмешливо тянет:

— Да ты, я вижу, философ. Вот уж это совсем напрасно. Это нынче дешево стоит.

«Практик» высмеивает заботу об общем деле, самоотверженность, творческие искания. Высокие цели, идеалы, благородные порывы — все это, с его точки зрения, «устарело», «дешево стоит».

Собственно, Герасимов только оправдывает себя задним числом. Он и раньше не относился к числу «доверчивых ребят», больше всего заботился, как бы избавиться от риска, ответственности, напряжений сил — пусть беспокоятся, ищут, рискуют другие. А теперь он хочет использовать обстоятельство, чтобы представить практичным и благоразумным свое поведение шкурника и мещанина.

В некоторых произведениях, посвященных жизни молодежи, мы встречаем людей, высказывающих подобные мысли: «Надоели высокие слова», «Разочаровались мы в красивых призывах»... В прекрасном фильме «Девять дней одного года» рассуждения молодого ученого Ильи Куликова о мире и человечестве полны скептицизма. На первый взгляд — он вообще не верит в прогресс, да и в своей собственной работе не видит ни смысла, ни вдохновляющей цели...

За последние годы произошли серьезные сдвиги в духовной жизни нашего общества. Всему миру известны научные, культурные, производственные успехи, отраженные в исторических решениях XXII съезда КПСС. У нас были и трудности, и неудачи, были сложные и противоречивые явления в жизни. Преодоление последствий культа личности — процесс огромного прогрессивного содержания, но это процесс не легкий и не безболезненный. Были люди, которые критично культу личности восприняли чуть ли не как отрицание всего, что было сделано за десятилетия в нашей стране.

От художника требуется пристальное внимание к думам и исканиям современников. В исследовании жизни обнаруживает свое бессилье шаблонное мышление.

Внешне техник Герасимов и молодой физик Куликов объединены скептическим взглядом на жизнь, неверием в высокие истины. Но скептицизм Герасимова — прикрытие его духовной пустоты, мелкого себялюбия, а метания Ильи Куликова — проявление страстных исканий. Илья не может быть равнодушным! Он не способен жить без перспективы и большой цели. Его скептическая фраза — только момент раздумий, форма отталкивания от догматических и шаблонных фраз, чуждых молодому уму. Да, сегодня в своих метаниях он временами попадает под влияние пессимистической, цинической фразы. Но это пройдет! Пессимизм — сила разрушающая, а Илья хочет творить. Он поймет правду, ради которой живет его друг Гусев.

Это правда, высокая и вечная, дающая возможность ответить на самые сложные вопросы: о смысле деятельности человека, о жизни и смерти. Колхозник, отец Гусева, спрашивает сына:

— Люди разные говорят про эту самую штуку.. Ну, про атомы. Так вот... стоит ли это того, чтобы отдавать свою жизнь?

— Да, стоит.

— Ты бомбу делал?

— Делал. А если бы мы не сделали, не было бы у нас с тобой этого разговора, батя... И половины человечества — тоже...

Так говорит человек, пошедший на трудный эксперимент, который угрожает его жизни. Для людей, для человечества стоит отдать всего себя!

Цинические бравады Ильи Куликова сметаются и опровергаются глубоко человеческой мыслью Гусева, его ясным и мужественным поведением. А то, что Илья встает рядом с Гусевым и продолжает его дело, показывает его подлинные жизненные позиции.

«Дешева стала философия», — тинут люди с пустым сердцем. А Гусевы показывают, как бесценно дорога, действительна и всепобеждающая идея, ведущая на подвиг.

Для здорового человека и здорового общественного организма не может быть развития без стремления к идеалу. Шедрин был абсолютно прав, когда писал: «Общество, упразднившее в себе потребность благородных мыслей и чувств... бессильно, дрябло, инертно; оно постепенно разлагающийся труп — и ничего больше».

Нет и не было в истории человечества мировоззрения, для которого идеал был бы так важен, значил бы так много, как научный коммунизм! Ведь это учение всем своим духом, всем содержанием обращено к массам. Для трудящихся, борющихся за новую жизнь, «идеалы — нужны», подчеркивал Ленин, «они являются вопросом повседневной жизни».

Владимир Ильич писал о необходимости показать массам «во всем его величии и во всей его прелести наш демократический идеал».

Идеалы коммунизма — не модель, сконструированная на основе отвлеченных стремлений, а вывод из анализа реального развития общества, его закономерностей. Именно поэтому он обладает огромной притягательной силой.

З АВТРА я начну другую пьесу... Я ее здорово напишу, клянусь Вам!.. Она будет поэтична, в ней будет страсть, в ней будет герой с идеалом», — писал в 1901 году Горький Пятницкому. А в другом письме он делится планами: «...Я напишу цикл драм. Это — факт. Одну — быт интеллигенции. Куча людей без идеалов, и вдруг! — среди них один — с идеалом! Злоба, треск, вой, грохот».

В этих строках выражена одна из благородных традиций искусства социалистического реализма, всегда придававшего огромное значение образу положительного героя, носителя передового идеала, борца за этот идеал.

Но что такое герой с идеалом? Проповедник, провозглашающий отвлеченные истины? Показная модель, бескровное совершенство? Встречались и такие на страницах книг, и даже подчас заслуживали вежливых похвал. Но в памяти остались не они, а Давыдов, перерабатывающий всю жизнь станицы и мечтающий о будущей жизни сегодняшних босоногих ребятшек; Василий Теркин, который (хотя догматические чистоплюи и обвиняли его в мужицкой ограниченности) понимает всем сердцем и умом: «Нынче мы в ответе за Россию, за народ и за все на свете»; прошедший сложный путь и сохранивший верность идеям партии командир Серпилин; горячий, часто несдержанный, но всей душой верный колхозному строю Егор Дымшаков; повариха Тося из повести Б. Бедного «Девчата»...

Не так давно в литературных произведениях о высоких идеалах говорили больше всего люди почтенные, в чинах немалых, и слова о большой цели звучали как указание «сверху», которому должны были следовать нижестоящие. Простая девчонка из поселка лесорубов Тося — никакое не начальство. Она любит труд, работа, нужная людям, приносит ей неподдельную радость. Слова «дружба», «любовь» освещены для нее светом высоких требований к себе и другим. Запоминающийся штрих: парень, которого Тося любит, оскорбляет ее. Девушке горько и больно не только потому, что ее оскорби-

Б. РЮРИКОВ

ли: ей больно и за него, оказавшегося хуже, чем она думала, больно за людей, в душах которых живучи еще и грубость, и подлость. Наши идеалы для нее — не что-то существующее в стороне от жизни, а сама жизнь.

Герой с идеалом — не одинокая фигура, горделиво вознесенная над толпой безликих статистов: ему важно сделать свои стремления достоянием всех. Так, Валуев тревожится, чтобы молодые рабочие не утратили в повседневной обстановке мечты о яркой, широкой жизни, без которой человек оказывается духовно маломощным.

РЕАКЦИОННЫЙ немецкий публицист К. Менерт, автор грубо тенденциозной книги «Советский человек», хотел бы доказать, что в сознании наших людей вступают в противоречие политическое и человеческое: «Нужно ли считать советского человека продуктом большевистского эксперимента в «человековедстве» или он остался просто человеком? ...Быть может, по мере того, как революция 1917 года уходит все дальше за горизонт истории, жизнь и стремления советского гражданина нормализуются, а человеческое берет верх над политическим».

Но в том-то и дело, что гражданское, политическое, коммунистическое у советских людей не противостоит человеческому, а пронизывает их мысли и чувства, все больше становится определяющим началом их сознания, поведения. Нормальным является не замыкание в рамки мещанского себялюбия, а проникновение коммунистической идейности в повседневную жизнь, в самые обыденные отношения людей.

И это хорошее, светлое наступает! Очень интересны с этой точки зрения герои романа Михайлы Стельмаха «Правда и кривда». И Марко Бессмертный — колхозник и солдат, и Григорий Задорожный — учитель и партизан, и колхозный конюх Евмен — люди глубокого общественного сознания, убежденные, что нельзя мириться со злом и фальшью. Жулики и себялюбцы стремятся сбить с ног Марко Бессмертного, честного и смелого человека, отстаивающего интересы крестьян. Низкие людишки не брезгают ничем. Тактика их направлена на подавление честной мысли, распространение недоверия, разъединение людей. Злобой, хитрой тактике шкурников и карьеристов Марко противопоставляет свою. Он кокет словом правды, изобличая тунеядцев, и вместе с колхозниками стремится «так хозяйствовать, чтобы изгнать бесхлебье и нужду из крестьянских жилищ», опустошенных войной.

Коммунист Степан Конкин из романа В. Фоменко дает урок государственного мышления молодому партийному работнику Голикову, показывая, как коммунист не на словах, а на деле должен помнить и заботиться о людях.

Идеалы коммунизма поднимают человека на высоту подлинно хозяйской, государственной ответственности за общее дело. И в этом проявление нового этапа нашей жизни.

Что общего, скажем, между Лузгиным у Е. Мальцева, Безбородко — у Стельмаха и другими подобными персонажами? Все они — **временщики**. Они не чувствуют себя прочно на земле, и хитрят, ловчат, злобствуют — только бы удержаться, только бы не смел их со своего пути народ. А Марко Бессмертный, Егор Дымшаков, Степан Конкин — настоящие **хозяева жизни, создатели коммунистов**, представители народа, стоящего у власти. — их коммунистическая убежденность тверда, непоколебима.

Для М. Стельмаха дело не только в том, чтобы разоблачить и изгнать подлых и злых людишек, вроде Поцилуйко и Безбородко, — важно создать такую обстановку, при которой невозможно паразитам и злым портить жизнь хороших людей.

Борьба с ложью и злобой — сила творческая, она тоже двигает нас вперед. Это — одна из форм утверждения идеалов нашего времени.

УЖЕ НЕ ОДНО десятилетие вопрос о положительном герое волнует писателей, критиков, читателей. Советская литература

твердо и неизменно стоит на позициях признания огромного нравственного и эстетического значения положительного героя. Она отвергла все эстетские и ревизионистские попытки «снять» проблему положительного героя, проташить фальшивую мышилку, будто литература описывает «просто людей», не задумываясь, кто из них положительный, кто отрицательный.

Жизнь идет вперед, и закономерно, что новое содержание действительности накладывает отпечаток и на решение вопроса о положительном герое. Сегодня мы полнее и глубже представляем героя современности. Новая Программа партии, воплощающая теоретический и практически-созидательный опыт партии и народа, обязывает и писателей глубже посмотреть на литературного героя.

Буржуазная печать пыталась пронизировать над моральным кодексом строителей коммунистического общества — это, мол, новые скрижали, регламентирующие поведение советских людей. Но это не регламентация — это прежде всего показатель идейной, нравственной высоты, на которую коммунизм поднял массу трудящихся и действительное указание **направления** работы по воспитанию людей, которую настойчиво ведет партия.

Цель искусства — показывать жизнь в ее движении, в развитии, а не читать нравоучения. Идеал художника воплощается не в одной какой-нибудь поучительной фигуре, а в действии, развитии всей системы образов, в освещении с определенных позиций всей сложности отношений людей. Это часто забывалось в период культа личности, когда догматические наставления и нехитрые иллюстрации подменяли живую мысль и образы живой действительности. Критика культа личности нанесла сильнейший удар по догматизму, начертничеству в эстетике и критике.

Но мы критикуем догматическое резонерство не для того, чтобы отбросить идеал и предаться равнодушному описательству, а для того, чтобы еще сильнее, глубже, определеннее утверждать средствами искусства жизненный, коммунистический идеал во всей его подлинной прелести и величии!

А сила положительного примера — это большая, добрая сила.

Наших писателей часто — и справедливо — критикуют. Да, много слабых книг, и в иных хороших книгах попадают слабые главы и страницы. И все же литература не стоит на месте. Она стала правдивее, строже, серьезнее; теплее и проникновеннее изображает она человека. Герои не декларируют идеалы, как это было недавно в некоторых произведениях, а утверждают их в своей созидательной деятельности, в столкновениях с реальным противником. И от этого идеалы коммунизма засияли новым светом, а носители их, передовые советские люди, поднялись выше. Только слепой или раздраженный человек может не видеть тех необратимых процессов, которые происходят в литературе на основе новых начал, развивающихся в жизни общества эпохи развернутого строительства коммунизма.

Талант — великий организатор. А. В. Луначарский называл художника «организатором человеческого счастья». Создавая образы людей великой убежденности, ясной коммунистической цели, высоких гуманистических идеалов, художник помогает торопить будущее, утверждая счастье на земле.